

Церковные колокола бросают на ветер печальную мелодию «Катлин», она разносится над трущобами скид-роу, где я просыпаюсь со стоном, несчастный, бедственно слипшийся после очередной пьянки, и главный стон оттого что сам разрушил все инкогнито своего возвращения в Сан-Франциско, надрался как идиот с бродягами в закоулках и сломился прямо в Норт-Бич всех повидать хотя мы с Лоренцо Монсанто заранее в обширной переписке разработали подробный план как я потихому прокрадываюсь в город, звоню ему, называю кодовые имена: Адам Юлч или Лаладжи Палвертафт (тоже такие писатели) и он тайно отвозит меня в свою хижину в лесах Биг-Сура полтора месяца в безмятежном уединении рубить дрова, таскать воду, сочинять, спать, гулять и т.д. — Вместо этого я врываюсь пьяный в его книжную лавку «Огни большого города» в самый разгар субботнего вечера и все меня узнают (несмотря на маскировку — рыбацкий плащ, шляпу и непромокаемые штаны) и с грохотом катятся в загул по всем знаменитым барам — вот он хренов «король битников», вернулся

и поит всех подряд — И так два дня, включая воскресенье, когда Лоренцо по идее должен заехать за мной в «секретную» гостиницу на скид-роу («Марс-отель» на углу Четвертой и Ховард-стрит), но я не отвечаю на звонок, служитель отпирает ему дверь, и что же он видит — на полу среди бутылок валяюсь я, рядом частично под кроватью Бен Фэган, на кровати храпит художник-битник Роберт Браунинг — «Ладно, — думает, — заберу его в следующие выходные, он наверное хочет отвиснуть недельку в городе, как обычно», — ну и уезжает в свой Биг-Сур без меня уверенный что поступил правильно, но Боже мой, вот я просыпаюсь — а Бен с Браунингом уже ушли как-то умудрившись втащить меня на кровать, — под эти колокола так печально вызывающие «Вернись ко мне моя Катлин» в туманных ветрах над крышами мрачно-похмельного Сан-Франциско, ооо вот я и допрыгался, не в силах уже довлачить брненное тело свое даже до спасительного убежища в лесах, не говоря уже о прямохождении по городу — Впервые я покинул дом (дом моей матери) с тех пор как напечатали «Дорогу», книгу «принесшую мне известность» до такой степени что три года меня сводил с ума бесконечный поток телеграмм, звонков, предложений, писем, репортеров, непрошенных гостей (только соберешься писать рассказ, под окном голос: ВЫ ЗАНЯТЫ?), или залетает газетчик в спальню где я сижу в пижаме, пытаюсь записать сон — Подростки лезут через шестифутовый забор который я выстроил пытаюсь отстоять свое право на личную жизнь — Веселые компашки с бутылками орут под окном

кабинета: «Джек, выходи, хорош работать, пошли напьемся!» Приходит тетка, говорит: «Я не спрашиваю, вы ли Джек Дулуоз, потому что он с бородой, только скажите пожалуйста как его найти, мне нужен настоящий битник на наше ежегодное Шиндиг-парти» — Пьяные визитеры блуют в кабинете, воруют книжки и даже карандаши — Незванные приятели неделями висают на чистых простынях и сытной маминой кормежке — И я пьяный практически постоянно, чтобы как-то соответствовать этому бардаку, но в конце концов осознаю что окружен превосходящими силами противника, надо бежать, уединение или смерть — А тут Лоренцо пишет: «Приезжай, хижина ждет тебя, никто не узнает» и т.д., и я как уже сказано смылся из дому (Лонг-Айленд, Норт-порт) в Сан-Франциско, проехал 3000 миль в чудесном купе скорого поезда «Калифорнийский Зефир», глядя как мелькает в моем личном окошке Америка, впервые за три года был как следует счастлив, три дня и три ночи в купешке, растворимый кофе и бутерброды — Вверх по долине Гудзона, сквозь штат Нью-Йорк до Чикаго и далее прерии, горы, пустыня, наконец Калифорнийский хребет, все так легко и без усилий, будто сон, не то что трястись на попутках в прежние скудные времена, когда я еще не заработал себе на трансконтинентальный экспресс (по всей Америке студенты и школьники уверены: «Джеку Дулуозу 26 лет и он все время ездит автостопом» — а мне почти 40, я стар, устал, измучен и мчусь в купе по Американской равнине) — Ну и что же, прекрасный старт к убежищу столь щедро предложенному слав-

ным стариной Монсанто, только вместо легкого и гладкого продолжения я просыпаюсь пьяный, больной, в мерзости запустения, в ужасе от тоскливого колокола над крышами вперемешку со слезными воплями с улицы, где митингует Армия спасения: «Сатана — причина твоего пьянства, Сатана — причина твоей распущенности, Сатана подстерегает тебя повсюду — покайся!» — и хуже того: слышно, как старые пьяницы блюют в соседних комнатах, скрипят ступенями, стонут — И этот стон, разбудивший меня, мой собственный стон на скомканных простынях, стон, порожденный чем-то огромным, ухнувшим в моей голове и сорвавшим ее с подушки как призрак.

И я озираю эту жалкую клетку, вот мой полный надежд рюкзак аккуратно набитый всем необходимым для жизни в лесу вплоть до неотложной аптечки и хитростей пропитания, даже швейный наборчик заботливо собранный мамой (иголки, нитки, булавки, пуговицы, алюминиевые ножнички) — Даже медальончик Св. Христофора, с надеждой нашитый ею на клапан рюкзака — Полный походный набор вплоть до последнего свитерочка, носового платочка и теннисных тапочек (для прогулок) — И весь этот рюкзак многообещающе возвышается над безобразным завалом — бутылки из-под белого портвейна, окурки, мусор, кошмар... «Живо, или я пропал», — понимаю я: пропал обратно в пьяную безнадегу последних трех лет, физическую, духовную и метафизическую безнадегу, которую не проходят в школе, сколько ни читай экзистенциалистов или пессимистов, сколько ни глотай аяхуаски, мескалина или пейотля — О это пробуждение в делириум тременс, смертельный ужас течет из ушей подобно увесистой паутине какую плетут пауки жарких стран; ты будто горбатое чудище, что ревет под землею в горячей дымящейся жиже влача в никуда долгое жаркое бремя;

будто стоишь по колени в кипящей свиной крови, ох по пояс в огромной сковороде дымящихся жирных помоев без капельки мыла — Лицо себя самого в зеркале исполненное невыносимой муки так горестно и безобразно что нельзя даже оплакивать этот предмет — столь уродливый, потерянный, утративший всякую связь с задуманным образцом и тем самым с какими бы то ни было слезами; будто вместо тебя самого в зеркале вдруг берроузовский «чужой» — Хватит! «Живо, или я пропал», — вскакиваю, для начала на голову, чтобы кровь прилила к заплывшим мозгам; душ в холле, свежая футболка, носки, белье, яростно собираюсь, хватаю рюкзак, выбегаю прочь, швырнув ключи на стойку, и вот я на холодной улице, мчусь в ближайший магазин за двухдневным запасом еды, пихаю покупки в рюкзак, бегом вдоль унылых улиц русской тоски, где бродяги уткнувшись лбами в колени сидят на туманных порогах ночного ужасного города откуда надо смотаться, иначе смерть — на автобусную остановку — Через полчаса я в автобусе с надписью «Монтерей», мы несемся по чистой неоновой трассе и всю дорогу я сплю, просыпаюсь изумленный, снова здоров, запах моря, водитель расталкивает меня: «Монтерей, конечная». — И это ей-Богу Монтерей, я стою сонный в два часа ночи, через дорогу смутно маячат рыбацкие мачты. Осталось спуститься 14 миль по побережью до моста через Рэтон-Каньон, а там пешком.

«Живо, или я пропал», — и я просаживаю восемь долларов на такси, ночь туманна, но иногда справа, где море, проблескивают звезды, а моря не видно, о нем только слышно от таксиста — «Что тут за места? Я первый раз».

— Сейчас увидишь — Рэтон-Каньон, смотри осторожно там в темноте.

— А что?

— Фонарик есть? Фонарем свети —

И точно, когда он высаживает меня у моста и пересчитывает деньги, я чувю что-то не то, слышу страшный рев прибоя, но как-то не оттуда, откуда-то снизу — Вижу мост а под ним ничего не видеть — Мост перекидывает прибрежное шоссе с утеса на утес, аккуратный белый мостик с белыми перилами, с той же знакомой шоссеиной белой полосой, но что-то тут не так — Фары такси выхватили из тьмы кусты и провалились в пустоту где по идее должен быть каньон, мы как будто подвешены в пустоте хотя под ногами грунтовая дорога и сбоку нависший уступ — «Что за черт?» Монсанто присылал мне карту и я запомнил куда идти, но воображение рисовало мне нечто весе-

ленько-буколическое, милый лесной уют, а вовсе не эту ревущую во тьме невесомую тайну — Такси уезжает, я включаю свой железнодорожный фонарь дабы скромно осмотреться, но луч его как и фары теряется в пустоте и вообще батарейка слабовата, даже стену уступа слева не разглядеть как следует — Что до моста, его не видно совсем, кроме ряда люминесцентных пятнышек на обочине, уходящих в утробный рев моря — Море ярится где-то внизу, лает на меня словно пес из тумана, бьется волнами об землю, но Боже мой, где она эта земля, может ли море быть под землей? — Выход один, — сгла-тываю я, — свети фонариком прямо перед собой, братец, иди вслед за ним, старайся светить прямо на тропу и молись и надейся что он светит на твердую землю которая должна быть там куда он светит, — иными словами, я опасаясь что даже фонарик собьет меня с пути если я осмелюсь хоть на миг оторвать его от тропы — Единственное что удастся урвать из этой ревущей тьмы — гигантские тени крепленого ободка которые отбрасывает фонарь на отвесную стену слева от тропы, — справа (где мечутся на ветру кусты) теней нет, там свету не за что зацепиться — И вот я пускаюсь в свой трудный путь, рюкзак за спиной, голова опущена чтобы следить за пятном света от фонаря, голова опущена а глаза подозрительно поглядывают чуть выше как в присутствии опасного идиота, коего лучше не раздражать — Сначала тропа идет вверх, заворачивает вправо, затем немножко вниз и вдруг опять вверх и вверх — Теперь грохот моря удаля-

ется и в какой-то момент я даже останавливаюсь оглянуться и не увидеть ничего — «Погаси фонарь и посмотрим что видно», — говорю я вставая ступнями в тропу — Хрен ли толку, ничего не видно, только смутный песок под ногами.

Карабкаясь вверх и удаляясь от морского шума, я начинаю чувствовать себя увереннее и вдруг натываюсь на что-то страшное, выставляю руку — ничего особенного, переправа для скота, железные перила поперек дороги, но тут слева, где по идее должен быть утес, шарахает порыв ветра, я туда фонариком, а там пустота — «Что за дьявольщина!» — «Держись тропы», — говорит другой голос, пытаюсь сохранять спокойствие, я и держусь. Вдруг справа какой-то треск, свечу туда, но там лишь зловеще мечутся сухие кусты, самые подходящие для гремучих змей (змея и была, они не любят, когда их будят по ночам горбатые чудища с фонарями).

Но дорога снова стремится вниз, и утверждает слева утешительный утес, и очень скоро, сколько я помню по карте, должен быть ручей, я слышу его ропот и лепет на дне темноты, там по крайней мере настоящая земля а не гул запредельных высей — Но тропа ныряет внезапно и круто, я почти бегу, и чем ближе ручей, тем громче его шум, не успеешь оглянуться — свалишься туда — Бешеным потоком грохочет он прямо внизу подо мной — И там внизу еще темнее чем вокруг! Там заросли осоки, папоротники ужаса и скользкие бревна, мхи, опасные всплески, влажный туман

хладно клубится дыханием гибели, ветви больших деревьев угрожающе склоняются надо мной, шоркают по рюкзаку — Я знаю, чем ниже, тем громче грохот, и в страхе перед тем насколько он может вырасти я замираю и слушаю как клокочет темная тайна, мокрая битва, трещат стволы или камни, все вдребезги, глубокая черная угроза воды и земли — Страшно спускаться — Я боюсь, afraid как affrayed от слова «fгау», как у Эдмунда Спенсера, выхлестывает как кнутом, причем мокрым — Склизкий зеленый ящер бьется и вьется в кустах — Злая битва ярится кругом, меня здесь не ждут — Она здесь миллионы лет не для того чтобы скрещивать с кем попало мечи своей тьмы — Она выпутывается из чудовищных корневищ могучей секвойи, из тыщи расщелин вселенной — грохочущий колокол чаши не хочет пропускать трущобного бродяжку к морю — которое, кстати, тоже довольно зловеще и ждет — Я почти ощущаю как море тащит к себе этот шквал из кустов, но со мной мой фонарик, все что осталось — это держаться славной песчаной тропинки, все ниже и ближе к темной резне, и вдруг полого, и бревна моста, и перила, поток всего в четырех футах внизу, перейди, пробужденный бродяга, поглядим, что на том берегу.

Быстрый взгляд на воду с моста: вода как вода на камнях, ручей как ручей.

И вот предо мною сонная поляна, колючая проволока и старые добрые ворота коралля, дорога сворачивает влево, но тут я с ней расстанусь; про-

дравшись сквозь колючку я оказываюсь на чудесной песчаной тропинке, вьющейся меж хрупких кустов сухого вереска, — словно вырвался из ада в милый знакомый Рай Земной, слава Тебе, Господи (правда, минуту спустя опять сердце екает — на белом песке впереди какие-то черные штуки, но это всего лишь лепешки навоза, оставленные старым добрым мулом здешнего Рая).